

*Эмилия Петровна Хомич,
заведующая центром «Детское чтение»,
к. ф. н., профессор кафедры литературы
филологического факультета АлтГПА*

Проза Анатолия Кирилина: особенности поэтики

Книга Анатолия Кирилина «Избранное. Роман. Повести. Рассказы» – Барнаул, Алтайский дом литератора, 2012 издана на средства краевого бюджета по результатам краевого конкурса, а это значит, что она стала победительницей в номинации «Проза».

«Избранное» – это размышления, или мысли писателя о взаимоотношениях человека с реальностью. О маргинальных началах в любом и каждом из нас. Это и поиски ответа на вопрос, который рано или поздно перед каждым «встает с особенной остротой». Немногие персонажи книги смогут ответить на него, но некоторые из них свято верят, что «человек не покидает этот мир, покуда не исполнит предназначенное свыше». Автор искренне желает разобраться в том, что «в правильной жизни самое правильное», и честно признается, что знает за собой только «неправильное». С другой стороны, это не мешает автору считать себя «самым совершенным творением в мире». Результаты такой аналитики свидетельствуют о том, что «искусство сближается с жизнью вовсе не в действительности, а в правде, т. е. в различении добра и зла» (И. Анненский). Эту мотивацию можно рассматривать в качестве ответа на вопрос одного из персонажей – в каком направлении движутся добро и зло? В направлении познания их различения.

Книга открывается романом «Семена для попугайчиков», который критика поспешила назвать романом о жизни.

Можно согласиться с тем, что это роман о жизни, тем более что автор не возражает, как и принять замечание критики о том, что основная тема Кирилина - «родня и родина» (по названию одного из произведений писателя). Справедливость сказанного подтверждают эпистолярные источники. «...Еще больше понял твою жизнь. ... Не случайно сводит нас жизнь» - из письма критика автору. Жизнь интересует Кирилина во всех ее проявлениях, смыслах и оттенках. Наблюдая ее, он знает, что, «если многое в жизни случается, столь же многое и не случается». Знает и то, что «жизнь – это не просто чередование понедельников и суббот, это ядение даров Божьих». «Краткий миг, называемый жизнью, состоит из нескольких обязательных, в строгой последовательности чередуемых событий». Но все вышперечисленное не исчерпывает литературных достоинств книги, заявленных писателем достаточно ярко. С литературностью кирилинского текста связана интеллектуальная энергия его прозы.

В то же время следует признать, что «роман о жизни» – определение в этом случае уместное и емкое, поскольку обращает нас к главной книге бытия – Библии. Стремясь отделить пустое от сущего, автор сосредотачивается на проблеме «человек и жизнь человеческая», но прежде всего исследует личный

опыт. Концепция реализуется в форме «свободного романа», без жанровых рамок и ограничений.

В повествовании от первого лица местоимение «я», безусловно, преобладает над другими местоимениями. Однако внимательный читатель заметит эффект множественного числа, как заметил его литературный критик В. Куницын: «Ты говоришь от нашего лица», «главное – мироощущение таких как мы». Два местоимения одного поколения. Прием, характерный для шестидесятников, в частности, для Р. Рождественского. Кирилин вошел в литературу двумя десятилетиями позже. Вошел сложившимся шестидесятником, со всеми вытекающими отсюда подробностями. О каком мироощущении говорит критик Куницын? Ответ в следующих строчках его письма: «...наша историческая драма еще и в том, что мы уже натянули свои луки, чтобы выстрелить, то есть и творчески, и духовно были готовы к самореализации, но именно в этот момент нам дали понять, что мы не нужны». Мироощущение какого поколения? Поколение «застывших», не реализовавших себя. Ответ в принципе не принципиален, так как «на лицах у всех печать одиночества». «Прошлого, сегодняшнего, будущего...». Ничего не поделаешь: эпоха застоя.

Пора уже сказать, и это не будет натяжкой, что роман Кирилина не о герое времени. Роман – о времени, а еще точнее – о временах, которые мы не выбираем, «а в них живем и умираем». «Тема плодотворна с точки зрения многовариантности», хотя бы потому, что роман написан шестидесятником, а значит, с опытом ценностных для автора открытий 60-х годов. О времени в его многовариантности герой Кирилина, «терпеливый мечтатель и романтик», заявляет с искренней страстью: «Время уносит мгновения, а с ними все сущее. Бесконечный прожорливый Космос! Бесконечное странствие по бескрайней пустыне! Время и Пространство – больше нет ничего. Они однажды заключили договор, и по нему беспрестанно перемалывают плоть, камни, воды. Они – истинные властители, им все равно, они даже не усмехнутся, взирая на потуги всякой мелочи жить».

Искренность автора дорогого стоит. Искренности сегодня «не то, что в отношениях, в словах не стало». Искренняя интонация создает эффект собеседности – автор называет это «тональностью сердца». Собеседность – свойство разговорной прозы, диалогичной по структуре, и предполагает определенного адресата. Читатель Кирилина должен быть подготовленным и, как минимум, – начитанным, потому как книга погружена в подтексты и окружена контекстами. Я имею в виду литературно-реминисцентную плотность текста, который пестрит авторитетами и именами знаменитостей. Ряд имен – Кант, Ницше, Сент-Экзюпери, Коклен, Курт Гедель, Брехт, Владимир Соловьев и др. – организует рамочный слой «Избранного». Слой очень значительный. Прежде всего он поддерживает экзистенциальное настроение персонажа и поддерживает диалогичность каждого произведения «Избранного». Это ряд внесценических персонажей, с которыми автор-повествователь «общается». Не испытывая потребности разговаривать с другими персонажами, он вступает в диалоги с Сартром, Камю, Тилем Уленшпигелем и др. Экзистенциальное

настроение лишает его желания общаться с реальными людьми. Он предпочитает вести дневник и ему доверяет все сокровенное. Отсюда текст произведений мемуарно-(эпистолярно)-исповедальный, насыщенный аллюзиями. Имена обозначенного ряда – вечные спутники человеческого духа, они «воплощают веру художника в вечную сохранность и неистребимость ценностей, прежде всего нравственных» (Хализев В. И.). Они есть проявление катарсического начала книги, автор которой, делясь с читателем жизненным опытом, стремится укрепить его и себя в том, что все в жизни со временем встанет на свои места. Природа и сущность катарсиса таким образом раскрываются в трансформации экзистенциальных, общеэстетических, философских представлений.

Саморефлексия и автобиографичность – спутницы обычно мемуарной книги. Мемуары – книга не художественная, но вот мемуарность как повествовательное свойство оказывается вполне уместной в ретрофрагментах «Избранного». В книге достаточно много художественных, знаковых для автора, деталей: снег, старые учебники, фотография на стене, настольная лампа под синим абажуром. Предметы в сюжете повествования окрашены интонацией теплоты, словно автор их обнимает так, как может обнять персонаж, близкий автору по мировосприятию. Например, в рассказе «Возвращение» читаем: «Машина тепло дышала, что-то спокойно потрескивало, переливалось в металлическом ее нутре. Он залез в кабину, обхватил баранку, словно *обнял*, и мгновенно уснул». Когда лиризмом пронизан текст – мы имеем дело с лирической прозой. По-особенному она пронзительна, когда речь идет о потерях и утратах. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем»... Щемящее чувство вины в связи с уходом близких людей – испытать это общечеловеческое чувство приходится рано или поздно каждому. О том, как переживает испытание автор, повествуется в повторах, но ненавязчиво. Уход жены переживается и осмысливается с разных точек зрения и разных точек времени. Полифония темы предельно корректная, исповедальная интонация (без надрыва и аффектов) находит отклик у читателей. И чем сдержаннее она звучит, тем ошутимее нравственное очищение автора и читателя.

В поэтике катарсиса основное содержание составляют «мысли и одиночество», «странное сочетание обретения и потери». Автор полагает, что в эпоху безвременья лишь одиночество и потери «могут вызвать что-то похожее на настоящее чувство». Тип главного героя – «одинокий человек в одиноком доме» – мало разговаривающий, почти не говорящий. Исповедь в этом случае формирует и определяет тип повествования (в том числе жанр) исповедального или дневникового характера. Есть в этой книге и философские суждения, и публицистические заметки. Так, например, в «Деревенской элегии», раскрывая смысл названия, писатель заявляет о своей позиции публицистически программно. Есть «опыты» эссе. «Мысли», «разговоры», эпистолярный – все это составляющие кирилинского жанра, в какой-то степени – авторомана.

Личное и социальное анализируется, оценивается автором «почестному», т. е. без предвзятости. Субъективно? Да. Экспрессивно? Иногда. Но без агрессивной тенденциозности, что не может не радовать тех, кто знаком с

темпераментом писателя. В коммуникативных отношениях автор со всеми персонажами также сбалансирован, ровен: «Не хочу проявлять характер. Это дорого обходится, это разрушает сердце, рвет душу, а главное – не приносит никакого результата». Похоже, что это – кредо писателя, не случайно он, ссылаясь на Экзюпери, говорит о таком необходимом для автора качестве, как «зоркость сердца». Из письма В. Куницына: «Даже горжусь тобой, что ты нашел в себе силы написать *так* и запечатлеть *честно* время, в котором мы уже застываем, как какие-нибудь жучки в янтаре». В сущности, критик ответил на потенциальный вопрос потенциального читателя – почему читать «Избранное» «легко и тоскливо одновременно».

Воспоминания – жанр тоже не художественный. Только не в нашем случае. Воспоминания делают текст многослойным. В аксиологии воспоминаний своя иерархия ценностей. На первом месте среди художественных образов (не только в романе, но также в повестях и рассказах) – образ дома: «дома всегда хорошо, дома мир и покой, дома всегда больше прошлого, чем настоящего и будущего...». Дом, откуда спешат на работу, «чтобы избавиться от мыслей и одиночества», и куда возвращаются, чтобы снова уйти. «Люди уходят – дома остаются. Редко бывает по-другому. Вот мы и смотрим друг на друга: я – на окна, они – на меня. И замечаем многое». «Домик в сирени, земляника на непаханом огороде, роща на задах – все это далекая земля, куда, быть может, попасть уж не придется». А еще дом бывает теплым, или холодным, даже глупым. Заключает художественную типологию дома «большой дом Пресвятой Богородицы»: вся Россия – наш дом. Но не живет дом без хозяина, «дичает, гниет, рушится, зарастает. Дом – не родня, которую раз в год навестишь – хорошо, раз в два года – и то ладно». Хронотоп дома подвижен в определенном времени, его движение также имеет каждый раз свое время. Сопутствующий дому и тоже лейтмотивный – образ дороги. «Двух дней не пробыла она у матери. Уезжала – будто не дом свой оставляла, а одну из многочисленных в ее жизни станций». Прием, документирующий передвижение во времени, так сказать, маркер жизни или мира.

«Нет жизни – придумай, нет движения – сотвори». Афористичность – еще одна стилевая особенность писателя. В повествовании он предпочитает краткость изложения, изложение простым синтаксисом, цитатность. Этому есть объяснение. Во-первых, следует учитывать дискретность мысли, тем более что мысль – «изреченная» в форме воспоминания. Во-вторых, у афоризма та же задача, что и у малого по форме эпиграфа. Здесь мы имеем в виду даже не лаконизм, а концентрацию опыта. Настоящее изучает опыт прошлого, на темпоральной оси творчества Кирилина, прежде всего, время прошлое и передвижение из настоящего в прошлое. «В нашем отечестве думать о будущем если не рискованно, то, уж точно, бесполезно» Приоритет прошлого предопределил персонажный ряд книги, который составили «пожилой одноклассник», «друг детства 60-ти лет», «бывший футболист», «бывшая учительница», как заметил кто-то из критиков, *невыдающиеся люди*. По тексту Кирилина точнее было бы назвать их *бывшие люди*, но не в горьковском значении, а в социально-временном плане: они – часть прошлого автора.

Прошлое время организует свое пространство, («Прогулки по улицам детства»), занимая большую часть книжной площади, – по мнению автора, «самая яркая жизнь – в начале».

Свой мир, признается повествователь, он наблюдает из окна, «издалека, но еще и со стороны». Относится это и к тем текстам, где автор – повествователь, или где рассказчик – авторизованный спутник автора. «В окне на третьем этаже свет яркий, чужой и все равно живой. Это неправильно, это окно умерло вместе с ней...». Казалось бы, избитая метафора окна, но здесь она имеет концептуальное назначение: «расширить пространство», создать эффект – эффект двойного зрения: «За окном рассвет, и все – какое-то чужое. Будто сонный и пьяный мир забыл перешагнуть в следующий год, дремлет в предыдущем. А может, он умер? Взял тихонько так – и расстался с жизнью, решив, что нечего ему больше делать в этом свете» (108). Бинарное изображение в обоих фрагментах текста подчеркивает слово «чужой». И в окне, и за окном мир одинаково чужой, и мир мертвых, и мир живых. В этом проявилось двоemiрие героя, когда оба мира имеют границу и она прозрачна, как прозрачно окно. Но мир за окном – пространство неограниченное, мир издалека и в нем автор не участник событий – наблюдатель. Пограничье передает взгляд со стороны, что само по себе обостряет одиночество героя – таким образом «душа мучается», «тоскует по утраченному». Состояние души определяет качество жизни. «День как день ... и в то же время что-то бережит душу, накатывает теплыми волнами на сердце». «Я сижу на даче один и перебираю в памяти дни». Перебирать, словно четки, в памяти дни – занятие не без пользы: после того, «как почишь память, обретаешь свежий взгляд на вещи». Хронотоп дачи в отличие от хронотопа дома – временное пространство, но тоже замкнутое и изолированное. Скрытая бунинская аллюзия («Одиночество») оттеняет трагизм ситуации героя прозы Кирилина.

Ретроплан и настоящее время стилистически гармонично соединяются в тексте, отчего хронотоп прозы отчетлив и выразителен, как в пространственной организации, так и во времени. «Время и Пространство – больше нет ничего». Вектор повествования – вверх по лестнице настоящего времени, ведущей вниз – ко времени прошлого. «...Взгляд все время направлен назад – обращение к себе прежнему, общение с собой прежним, восхищение собой прежним. Меня нынешнего будто и не существует вовсе, будто неведомая рука сначала вычеркнула, а потом и стерла» («Помаша мне из окна», 442). «Человек имеет право удерживать себя в прошлом», «болеть от душевной неразберихи», «заблудиться во времени» – все цитаты реминисцентные и поданы автором с литературным сознанием дела.

«Навсегда сохранилось убеждение: мимо прошло лучшее, а осталось – что осталось», – констатирует автор. Текст отчасти провокационный, во всяком случае, он не может не озадачить читателя: а из того, что осталось, это, что осталось, будет в свою очередь лучшим?

Есть о чем подумать. А значит, есть будущее. Будущее есть еще и потому, что «на стекла вечности уже легло» (О. Мандельштам) и «дыхание и тепло» автора. Думают обычно о вопросах. В книге Кирилина вопросительных

знаков намного больше, нежели восклицательных, они есть следствие отстраненности автора. Взгляд «издалека и со стороны» позволяет сохранить одиночество, которым он не только тяготится, но и дорожит. Сквозная для «Избранного» тема в рассказе «Одиночество» манифестируется. Кстати удачная аллюзия Бунина (см. стихотворение «Одиночество»). Что для художника свято? На свой вопрос герой знает ответ: «конечно же, одиночество! Свобода – скажет наверняка кто-то, но он знает: один – потому и свободен ... одиночество – это здорово!», «счастливое одиночество». «Мысль о полном одиночестве укоренилась, она не отпускала, требовала к себе внимания».

Апофеоз одиночества, культ прошлого, передвижение из настоящего в прошлое – обстоятельства располагают к тому, чтобы «безнадежно застрять в прошлом».

Еще раз о приеме «остранения». Проза Кирилина – «искоренение приема». Вот то же одиночество, оно, как объясняет автор, возникает «от обыкновенного и, скорее всего, древнего чувства – тоски по человеку». Авторизованный персонаж Актер из «Театральной сказки» считает, что этот человек – должен быть гомо сенсус – человек чувствующий.

«Я был. Я чувствовал. Я жил» – слова С. Маршака вполне могли бы составить эпиграф к книге Кирилина. Кстати – об эпиграфах.

Прием двойного эпиграфа – один из способов выражения авторского сознания в книге «Избранное». Вообще эпиграфы книги – вещь не случайная. Это особая художественная система, способ литературного мышления, пример авторской литературной инкрустации. Кроме того, эпиграф – свертхтекст, расширяющий пространство восприятия. Автореминисценции и автоэпиграфы («Егоркин, где ты?») – свидетельства того, что автор собирал «Избранное» как единое целое. Специального разговора требуют также микросюжеты о «маленькой жизни» и об отдельном человеке, «хорошо побитом жизнью». Они мигрируют по повестям и рассказам книги («Посуху и по воде»). Прием рефрена, надо заметить, – прямое подтверждение художественной целостности «Избранного». Литературоведение имеет на этот случай свой термин – «художественный материк». Типология характеров, сквозные мотивы, рефрены, общее тематическое и эстетическое единство – все это свидетельствует в пользу целостности блока произведений, вошедших в «Избранное». Это не сборник, не цикл – книга. Однако если современное значение слова «книга» предполагает буклетность и презентативность, книга Кирилина – понятие концептуально эстетическое. Сам автор называет ее «книгой отречений»: «Я продолжу эту книгу отречений, потому что нынче лишь потери могут вызвать что-то похожее на настоящее чувство».

Не случайно вспомнился Иннокентий Анненский и его «Книга отражений». В обоих случаях мы имеем дело с авторской книгой, а это другая категория – эстетически программная. Автор не написал книгу – *смоделировал* или собрал ее, и расположение в ней материала есть еще одно свидетельство ее литературности. Поэтика книжной культуры в «Избранном» меняет его статус. Авторская книга – явление хоть и поштучное, однако, в литературе XX века достаточно заметное. Начитанному читателю память подскажет, к примеру,

имена Анненского и Катаева. Хотя «величайшая, трудно постижимая наука дается вовсе не высокообразованным, воспитанным, вдумчивым. Это чудо гения. Потому редкость». Впрочем, это уже не о просвещенном читателе или образованном авторе, а об умении любить, о науке жить – именно об этом книга Кирилина. И еще она – о творчестве, о художнике, и этот пласт текста и подтекстов включает в себе микросюжеты о знакомых автору поэтах, писателях, живописцах. Все они – часть литературной биографии писателя Кирилина. В его книге их имена составили еще один персонажный «парад» – *выдающиеся люди*.

Анатолий Кирилин – грамотный, литературно образованный и состоявшийся писатель. Достаточно раскрыть рассказ, например, «Злое дитя», чтобы понять: автор – мастер, чувствующий слово. Слово в его прозе – не только «инструмент для продвижения сюжета». «Все мы держимся тем, что придумываем сюжеты. Только свой собственный, по которому могла бы последовать жизнь, мы придумать не в силах». Содержание и посвящение в рассказе «Злое дитя» гармонично взаимодействуют между собою. Посвящение бесприютному скитальцу нашей поэзии, Борису Капустину, есть признание его таланта, которое дошло через «многократное эхо». Талант «таланта» видит издали. Движение души такого рода не каждый писатель себе позволяет. Почему мы не знаем своих писателей? Вокруг них так мало говорят о них. А если и говорят, то формальные вещи, не поднимаясь до похвалы, сдерживая себя в критических замечаниях. Тем более приятно читать Кирилина: он всегда найдет повод, чтобы назвать талант талантом, а гения гением, или рассказать о талантливом земляке, как, скажем, рассказал о Башунове: «Читаю Башунова. Без мороза по шкуре не читается. Или он завершил назначенное ему на земле?» Отмечен памятью в книге рано ушедший Стас Яненко, нашлось место для стихов Капустина. Свойство душевного расположения писателя к людям ярко проявилось в его на сегодня итоговой книге «Избранное».

Что Кирилин как писатель профессионально владеет литературными приемами – вещь очевидная, но очевидна и самодостаточность его слова, а это уже показатель настоящей литературы. Помню, когда готовилась хрестоматия «Литература Алтая в детском чтении», выверяя биографические справки авторов и дойдя до Кирилина, я спросила, что мне в первую очередь следует о нем написать. Ответ прозвучал без ложной скромности: «Напишите: «Анатолий Кирилин – писатель России». Отныне я так и пишу: Знакомьтесь. Писатель России – Анатолий Кирилин.